

● ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

ВЫСОКАЯ МЕРА

К 60-ЛЕТИЮ ПИСАТЕЛЯ ФЕДОРА АБРАМОВА

Глубоко уверена — писать о большом человеке имеют право только еще более высокие люди, иначе это — унижение объекта исследования. Хорошо написать о Федоре Абрамове могли бы, например, Шолохов, Твардовский — короче, люди такого уровня. Я в этом случае — человек бесправный, маленьким извинением беспардонности может явиться лишь то, что мы — земляки (относительные, т. е. между нашими деревнями верст триста намеряется) по рождению.

Мне очень дорого имя этого писателя. «Не сотвори себе кумира» — истина старая, и ей полагается следовать, чтобы не слишком горько плакать на хрустальных развалинах прекрасного идеала, чье основание нередко не выдерживает груза призрачного ореола, созданного вокруг его личности. Я об этом помню и все-таки безраздельно верю в свой идеал, пока меня ни разду не обманувший.

Тетралогия «Братья и сестры», куда последовательно вошли четыре больших романа Абрамова — это подлинная жизнь и моей деревни; судьба Мишки Пряслина очень похожа на судьбу моего брата, образ же его сестры Лизы критик Валерий Деметьев в одной из своих статей нашел возможным соотнести с моим образом, чем немало мне польстило. Но такую же родственность и похожесть с абрамовскими обнаружат, я уверена, сотни и сотни наших северных деревушек, тысячи и тысячи их жителей, поэтому личностный характер моего отношения сам собой отпадает, приобретая общеполитический.

Он очень верно настроен, сложный, богатый духовный инструмент этого писателя, потому его нефальшивый запев легко поддержат каждому, имеющему голос, и даже безголосым захочется запеть, то бишь задуматься о своей жизни и что-то сдвинуть в ней

испрямлено в хорошую сторону. Простота и непринужденность авторского повествования, насыщенность вопросов, которые он ставит, картины быта, которые рисует, настолько близки и обыденны, что, кажется, вовсе и не книгу читаешь, а живешь в описываемой деревне, общаешься ежедневно с ее многоликим населением и страдаешь его страданиями. Ни намек на выдуманность или нарочитость образа или слова, ни тени писательского самолюбования, — все всерьез и для дела, не для себя, а для людей. Видеть жизнь в лицо и не отводить взгляда от глаз правды, говорить, как и жить, только по совести — это может далеко не каждый. А Федор Абрамов другого образа жизни для себя не мыслит, ибо только этот считает единственно верным и достойным настоящего человека. Правдой и совестью, трудом и любовью бесстрашно испытывает он своих героев и не дает никакой поблажки

тем, кто не выдерживает эту испытанную. Страстно любящий людей и родную землю, охотливо улавливает в человеке все, что недостойно истинной любви, и горячо борется за высокое совершенство дел и душ человеческих. Земля прекрасна, она вскормила и вспоила нас, она щедра и отзывчива на любовь и заботу — будьто же люди, умельцы, заботливыми, дальновидными и любящими хозяевами своей деревни, страны, земли! — таков страстный призыв всех его произведений.

Рядом с ним — неслегко. От его пронзительных глаз не скрыть и глубоко заглянутой истины, его мера человеческих качеств и достоинств высока и негибаема. Потому — неизбежны обиды тех из односельчан, кто увидит себя в его произведении не достигшим до этой меры. Но, я убеждена, эти обиды преходящи, ибо Абрамов пишет не затем, чтобы осмеять и позавидовать. Он говорит с людьми смело и мужественно, ибо не считает их хуже себя и крепко верит в равнотие, рост и расцвет всего доброго и светлого.

Эта вера никогда не упадет и в цене. **Ольга ФОКИНА.**